

✦ Теории и их авторы

UDC 130.2

DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-1/2-161-173

С.А. ЗЕЛЕНСКИЙ

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ СИНКРЕЗИСА В СМЫСЛОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ А.А ПЕЛИПЕНКО

***Аннотация:** Статья посвящена использованию термина «синкрезис» в Смыслогенетической Теории Культуры культуролога Андрея Анатольевича Пелипенко. Это одно из ключевых понятий в концепции автора о происхождении культуры и человека, однако, у него нет книг или статей, посвященных ему специально. Поэтому целью данной статьи является упорядочение и анализ всех упоминаний о синкрезисе, «разбросанных» по основным трудам автора смыслогенетической теории. Это первая статья, целиком посвященная понятию синкрезиса в теории А.А. Пелипенко. Статья имеет вводный характер, поэтому в ней опущен анализ таких сложных концепций, как Психосфера.*

В ходе исследования было изучено понятие «синкрезис» в контексте Смыслогенетической Теории Культуры, показана его взаимосвязь с другими ключевыми для неё терминами («партиципация», «ментальность», «индивид», «логоцентризм», «рефлексия»). Были типологизированы механизмы дробления синкрезиса на протяжении истории. Особое внимание среди них было уделено дуализации как отправной точке его распада. Также были сопоставлены первобытный (палеосинкрезис), логоцентрический и современный неосинкрезисы, каждый из которых представляет собой один из этапов распада первозданной природной целостности. Каждому из них соответствует специфический тип сознания, по-своему решающий проблему отчуждения между человеком и миром, согласно А.А. Пелипенко, лежащую в основе развития всей Культуры как системы надприродного существования человека. Результаты работы могут быть включены в университетские курсы по культурологии, культурной антропологии, социологии, философии, этнологии. Областью их применения также могут стать дипломатия, регулирование межкультурных и межнациональных конфликтов, культурное консультирование.

***Abstract:** This article is devoted to the use of the term «syncretism» in the context of the Sense-genetic Theory of Culture by the Russian culturologist Andrey Anatolevich Pelipenko. This is one*

Зеленский Святослав Андреевич – культуролог, кандидат философских наук, ведущий специалист по историко-производственной работе Музея русской почты и Московского почтамта (Москва). E-mail: DoctorFaust.1000@gmail.com.

of the key notions in the author's conception about origin of culture and human, but he never wrote any scientific papers or monographies dedicated to this term specifically. So the purpose of this article is sequencing and summing up all mentioning about syncretism that scattered in different writings of A.A. Pelipenko. This is a first article completely devoted to the notion «syncretism» in the theory of A.A. Pelipenko. The article has an introductory character, so it does not contain the analysis of such difficult concepts as Psychosphere.

The notion «syncretism» was studied as much as was shown its connection with other key terms of Sense-genetic Theory of Culture («participation», «mentality», «individual», «logocentrism», «reflection»). Mechanisms of fragmentation of syncretism in the course of history were schematized and typologized. Particular attention was paid to the dualization as a starting point of decay. Also, the author compared primeval (paleo-), logocentric and neo- syncretisms, each of them is one of the stages decay of primordial integrity. Each of them corresponds to the specific type of consciousness that differently concerns the problem of alienation between human and world. Pelipenko insists that this problem underlies the development of Culture as a system of supernatural existence of human. Results of this paper can be useful for university courses of philosophy, culture science, culture anthropology, sociology, ethnology, and also for diplomacy, regulation of intercultural and international conflicts, culture consulting.

Ключевые слова: синкретизм, Смыслогенетическая Теория Культуры, А.А. Пелипенко.
Keywords: syncretism, Sense-genetic Theory of Culture, A.A. Pelipenko.

Введение

Идея синкретизма, как нерасчленённости и тесной взаимосвязи всех сфер жизни древнего человека, сама по себе известна давно и взята на вооружение этнографами и культурными антропологами. Однако синкретизм, а также палеосинкретизм в рамках авторской теории культуры Андрея Пелипенко имеет особое значение. Это не просто отличительное свойство первобытного сознания, это начало истории, исток, от которого оттолкнулось развивающееся, вплоть до современности, мышление; нить, связывающая прошлое, настоящее и будущее. В смыслогенетической теории синкретизм занимает одно из центральных мест. Через него (или в значительной мере через него) объясняются почти все остальные ключевые понятия, которыми оперирует ее создатель: партиципация, смысл, ментальность, трансцендентное, сакральное, Логос, Абсолют и т.д.

Вся история культуры в теории А.А. Пелипенко предстаёт как перманентный распад этого изначального целостного состояния. Появление государств, переход к монотеизму, медитативные техники, мифологические фигуры и сюжеты, творчество — разные способы задержать распад или восстановить на новом уровне некогда единый мир. Каждая отпадающая от общего целого сфера культуры воспроизводит эту целостность уже на своём уровне. Так выделяются религия, искусство, сфера хозяйства.

С постепенным выходом из синкретического состояния связано и само развитие мышления. Образ единого мироздания, в котором каждый элемент никогда не воспринимается вне общего целого, начинает разрушаться, когда через него проступают пары бинарных оппозиций, первейшая из которых — это противопоставление себя как единичного субъекта и остального целого, метаоппозиция я — иное. Та же дробящая дуализация разбивает на элементы инфраструктуру (город и деревня), мифо-ритуальный комплекс (собственно на миф и ритуал), сакральные практики (мужские и женские ритуалы, магия, мифы).

И сегодня, в век глобализации и Интернета, клипового, лоскутного сознания, господства виртуальности над реальностью, синкрезис возвращается на новом уровне. Правда, соответствующее этой стадии сознание уже не погружено в мир, а максимально отчуждено от него. Оно всё воспринимает как относительно и одинаково релятивное в своей ценности. Опустевшие в экзистенциальном отношении знаки и символы сливаются в однородную информационную массу. При этом каждый знак вновь открыт бесчисленным означаемым, как в первобытную эпоху. С одной стороны, эта ситуация чревата социальными проблемами и катаклизмами. С другой, благодаря ей формируется совершенно новый, более сложный тип сознания.

Концепция синкрезиса и начало культуры

Среди приводимых автором аналогий вышеописанного нового состояния – сон, внутриутробное состояние, раннее детское сознание, но также – Вселенная, если представить её до момента Большого Взрыва, описываемые физиками реальности квантового мира («импликативный мир» Боба, «вакуум» Миндалла, «Природный Разум» Э. Митчелла, «квантовая голограмма» М. Каку, «матрица сущего» М. Планка, «голономная реальность» К. Прибрама) [10, 53]. Специфика этих реальностей в том, что там законы синкретической всеобщей взаимосвязи действуют постоянно. И, как утверждает А.А. Пелипенко, древний человек («индивид») постоянно ощущал их как Всеобщую Эмпатическую Связь.

В синкрезисе, как и в голономной реальности, действуют не причинно-следственные связи, а когерентные – события происходят одновременно, взаимно обуславливая друг друга. В природе тоже действуют подобные связи, к примеру, между сменами времён года не причинно-следственная связь, а когерентная, просто растянутая во времени. Когерентная связь между корнями и почвой.

Логические ошибки детей (путаница между причиной и следствием: «ветер дует, потому что деревья качаются») могут быть объяснены их способностью чувствовать когерентные связи в природе, не случайно во многих традиционных культурах они считаются колдунами и общение с ними строго регламентировано. «Синкретизм противопоставляется анализу и синтезу, представляющим собой две взаимодополняющие операции... Синкретизм ребенка остается чужд этому двойному движению расчленения и воссоединения... Ему часто кажется, что все находится во всем, что он может переходить от чего угодно к чему угодно... Ребенок живет в своего рода неопределенной и постоянной метаморфозе» [1, 202-203].

В наиболее древнюю эпоху синкрезис с его Всеобщей Эмпатической Связью почти не осознавался, поскольку был практически естественным состоянием. Образы уробороса (змеи, кусающей свой хвост и олицетворяющей цикличность и бесконечность времени), мирового яйца, рождающей утробы появились уже тогда, когда всеобщие связи начали надрываться.

Начало господства палеосинкрезиса Пелипенко отводит эпохе конца среднего – начала верхнего палеолита. В среднем палеолите полностью завершилась биологическая эволюция человека, и его развитие целиком перешло на территорию культуры. В верхнем – начинается расслоение синкрезиса. Сам человек этого периода ощущает себя не иначе как невыделенный/недовыделенный элемент из общего целого. Внешнее и внутреннее, субъективное и объективное, осязаемое и запредельное, главное и второстепенное, часть и целое, душа и тело здесь практически не различаются,

как это бывает иногда в детском сознании — дети часто «обращаются с названиями предметов как с их свойствами» [6, 176].

Пелипенко полагает, что воспринимаемое пространство, в котором находился древний человек, было столь близко миру сна, что он и сам постоянно пребывал как бы в полусонном состоянии. Смыслы и значения не были упорядочены и не выстраивались в иерархии. Не было разделения на практики утилитарные и неутилитарные, что также не наблюдается у первобытных культур, доживших до сего дня [14, 45].

Окружающий мир был пронизан магическими отношениями — только так архаик воспринимал таким образом природные и культурные связи. Любое активное действие (будь то охота, военный поход, случайное изобретение) воспринималось как вредоносное вмешательство в магические, сакральные, духовные законы и связи и требовало немедленной ритуальной регуляции, какой-то компенсации. Отсюда традиции жертвоприношений, вообще, глубокая традиционность и консерватизм подразумевали как можно меньше нововведений, желательно никаких.

Тогда практически не было дискурсов трансцендентного, т.е. представлений о запредельном мире, поскольку он воспринимался, как существующий здесь и сейчас. Устремление к трансцендентному у человека более позднего времени объясняется воспоминанием о синкрезисе как «золотом веке», в котором содержались все возможные потенциальные смыслы, на которые и направлен порыв в запредельный мир.

О синкретичности первобытного сознания можно во многом судить по древнему мифу с его бесконечными метаморфозами, парадоксальными связями, веерными значениями. В мифе всё пребывает во всём, он состоит из «кучных» смысловых комплексов, любая вещь может оказываться чем угодно и означать что угодно, совмещать противоречивые значения. «...В мифе всё может быть; кажется, что последовательность событий в нём не подчиняется правилам логики и нарушает закон причинности. Любой субъект может иметь здесь любой предикат, любые мыслимые связи возможны» [4, 184-185]. И более: «...ни в какой вещи человек не находит ничего устойчивого, ничего твёрдо определённого. Каждая вещь для такого сознания может превращаться в любую другую вещь, и каждая вещь может иметь свойства и особенности другой вещи. Другими словами, всеобщее, универсальное оборотничество есть логический метод такого мышления» [5, 12-13].

Даже жизнь и смерть воспринимаются не как противоположности, а как различные модусы единого существования: «первобытный человек вообразительно жил в особом мире, не в нашем реальном. Это был ни тот свет, ни этот... Он представлял собой план, особый сценарий природы-человека, ареальный, сочетание жизни и смерти... Как назвать этот сценарий, где он? Это не жизнь и не смерть, а метафорически «страна», «местность», быть может, всего лучше назвать его «место появления» (и «место исчезновения» тем самым)» [12, 29-30].

Нельзя сказать, что в синкрезисе совершенно не было дуализма, он был, но настолько закамуфлирован, окутан множеством ассоциативных дополнительных значений, что любое из них в любой момент могло стать главным, что определяется как «принцип попеременного доминирования смысла». Отсюда А.А. Пелипенко не принимает критику постмодернистами принципа бинаризма, потому что он имеет естественное происхождение. Во Вселенной это силы интеграции и дезинтеграции, на уровне человека — два пола, две стороны тела, два полушария мозга.

Итак, первый мучительный шаг сознания начинается с противопоставления себя миру. Так появляется самая первая оппозиция человеческого мышления «я — иное». Пелипенко принимает идею «родовой травмы», которая постулировалась психоаналитиками О. Ранком, С. Грофом, Э. Нойманном [13; 2; 7]. Появление сознания у первобытного человека сочетается с сильнейшим шоком отчуждения, равносильным переживаниям ребёнка, выброшенного в мир из утробы матери. Желание восстановить древние синкретические связи, вернуться в старый добрый «золотой век», таким образом, аналогично желанию возвратиться в лоно, из которого человек вышел.

Но это желание и толкает его на путь формирования разнообразных смыслов. Так, сознание формируется благодаря частичной надорванности Всеобщей Эмпатической Связи. Противопоставление субъекта и объекта — в основе рефлексии. Чем больше мы узнаём о предмете, типологизируем и классифицируем знания о нём — тем меньше переживаний он у нас вызывает. Но в эпоху начала распада палеосинкрезиса до современного отчуждённого отношения к элементам опыта было ещё очень далеко. Здесь и «я» — не до конца и не только «я», и «иное» — не настолько «иное», оба члена оппозиции очень синкретичны и взаимообусловлены. Я — это «он, переживающий нечто», а «иное» — «нечто, что не совсем я». Но для сознания того времени и этого было достаточно, чтобы вызвать мучительнейшее чувство отчуждения. Именно попытки его снять приводили к формированию разнообразных смыслов, сакрально-профанных отношений и, в конечном итоге, к оформлению культуры как системы.

Теория синкрезиса, метаоппозиция и другие оппозиции

Андрей Анатольевич Пелипенко очень нестандартно рассматривает многие явления и процессы, для которых в науке сложились определённые традиционные объяснения. Например, он категорически отвергает трудовую теорию происхождения человека. В первую очередь это связано с тем, что каменные изделия, найденные в местах обитания первобытных людей и предлюдей (палеолитических стоянках, пещерах и т.п.) не всегда уместно классифицировать и определять как «орудия труда».

К примеру, в карстовом провале у входа в пещеру Куэва-Майор были найдены останки 30 гейдельбергских людей. Бифас из розового кварцита в одном из захоронений не имеет никаких следов утилитарного использования. Ещё олдувайские изделия из гальки, как указывает Пелипенко, не являются орудиями труда. Скорее посредством них гоминиды выражали своё внутреннее состояние, отождествляли себя с ними. Это близко тому, как дети иногда олицетворяют себя со своими игрушками. Показательно, что гоминиды из далёких мест приносили на свои стоянки огромные камни (манупорты), которые не имели для них никакой утилитарной пользы и не обрабатывались. Отсюда можно провести линию вплоть до поклонения необработанным камням у древних греков и кельтов. То же можно сказать относительно традиции воздвигать алтарь из таких камней. Ещё в Торе есть указание о том, что обработка осквернит алтарь.

В смыслогенетической теории культуры эти предметы определяются как «артефакты» или как «объекты-медиаторы». Каждый из них был своего рода точкой, в которой происходило снятие отчуждения (связь, «медиация») между субъектом и миром. Посредством экзистенциального природнения (партиципации) к артефакту на уровне индивидуальной психики временно восстанавливалась Всеобщая Эмпатическая Связь (ВЭС). При партиципации субъектно-объектные отношения сменяются

глубоким погружением в сущность феномена, человек переживает состояние эйфории. Сами артефакты представляли собой своего рода слепки, материальные напоминания о старых партиципационных ситуациях между человеком и определённой духовной сущностью.

Это могли быть не только камни. Подобным же целям в палеолите служили зарубки, метки, насечки, штрихи, линии, выражавшие внутренние ритмы психики, погружённой в природно-предкультурный синкрезис. В качестве этих артефактов выступали любые предметы, изображения и морфемы языка, способствовавшие погружению психики в ВЭС. С этой точки зрения Пелипенко характеризует их как «магемы».

К таковым относились разнообразны амулеты, которыми древний человек часто был увешан с головы до ног. Появление каждого свидетельствовало о том, что был повреждён определённый сектор психики, отвечающий за всеобщую связь. «В некоторых архаических сообществах количество амулетов разрастается настолько, что они превращаются в тяжёлую ношу для тех, кто сам стремится иметь их побольше или на кого возложена обязанность носить их. Голова, шея, четыре конечности, запястья, лодыжки, поясница – всё покрыто и увешано амулетами...» [3, 398].

Так, возникает метаоппозиция, вызвавшая к жизни разнообразные культурные практики и создание артефактов – «я – иное». Ответом на неё же оказалась партиципация как способ снятия отчуждения. Эта оппозиция лежит в основе отношения к каждому отдельному культурному феномену, который в зрелой культуре раскладывается по трём восходящим к метаоппозиции бинарным осям: трансцендентное (запредельное) – имманентное (здешнее), континуальное (продолжительное, неразрывное) – дискретное (отдельное, фрагментарное), сакральное – профанное. На общекультурном уровне синкрезис раскалывается такими оппозициями, как мужское и женское, ритуал и миф, магия и цивилизация, город и деревня.

Синкрезис и оппозиция «мужское-женское»

Со ссылкой на книгу немецкого эллиниста Вальтера Буркерта «Homo Neans» 1972 г. А.А. Пелипенко отмечает, что толчком к расслоению синкретической целостности первобытной культуры послужило разделение общества по половому признаку в верхнем палеолите [11, 191]. Если у животных отношения полов регулируются инстинктами, популяционными волнами, то человек в значительной мере выбился из-под контроля природных программ, а противоречия перешли на территорию культуры. Здесь тот же половой акт оброс многослойным комплексом смыслов, а нормы гендерного поведения в значительной мере характеризуются размытостью, неоднозначностью, тонкими, не всегда считываемыми (или правильно считываемыми) участниками межполового общения, другими нюансами.

Мужчины специализируются на охоте и военных занятиях, женщины – на собирательстве, домашнем быте, уходе за детьми. Эти, казалось бы, чисто практические занятия оказываются пронизаны магией, носящей сугубо гендерные черты. Между полами идёт борьба за доминирование в мифо-ритуальных вопросах, особенно за право осуществлять магическую связь с субъектами запредельного мира, что имеет первостепенное значение для древнего человека. Следы этого разделения тянутся и до современности – у некоторых первобытных народов есть субязыки, разделённые по половому признаку.

В архаике не существовало никакого однозначного гендерного доминирования. Если дух места был женский — с ним заключал союз жрец, если мужской — жрица. Но тенденции к преобладанию одного из принципов приводили к формированию соответствующих культурных практик. Так, «женская» линия привела к появлению осёдлого земледелия на Переднем Востоке и частично в Средиземноморье в эпоху неолита (X—V тыс. до н.э.). «Мужская линия» в это же время оформилась в качестве кочевых и полукочевых сообществ с преобладанием скотоводческих и затем военных занятий. Женский неолит строился вокруг идеи фертильности, мужской — экспансии. «Фертильность» подразумевала широкий круг ритуально-магических практик, включающих помимо рождения и воспитания детей «управление судьбами людей, животных и растений».

Миф и ритуал в теории синкрезиса

Первая сложившаяся форма культуры в смыслогенетической теории определяется как мифоритуальная система, так как её основу составляют ритуал и миф. Но если на её заре они — нераздельная часть единого комплекса, то отрыв мифа от ритуала представляет ещё одну важную линию распада палеосинкрезиса. Миф не выводится из ритуала, у них разные когнитивные основания. Ритуал есть и у животных, у человека он лишь приобретает специфические черты. Для мифа нужен вербальный язык. В известном смысле миф — это «пропетый ритуал», а ритуал — визуально и пластически представленный миф. Но миф компактен, поэтому примерно в эпоху неолита, во время активного развития вербального языка, жесткая связка между ними разрывается. Тем не менее, ритуал не исчезает, а глубоко пропитывает все поры культуры вплоть до современности.

С верхнего же палеолита всё большее значение имеют такие оппозиции, как центр — периферия, эзотерические и экзотерические практики, наметился слабый дуализм сакрального и профанного. Примерно с ашеля артефакты разделились на магемы, успокаивающие психику и погружающие обратно в ВЭС и, собственно, орудия труда (хотя даже в них ритуальная функция ещё долго имела определённое значение).

С неолита важную роль приобретает оппозиция между магическими и собственно цивилизационными практиками, городом и деревней, позднее формируется противопоставление государства и общества. Город, государство изначально были призваны задержать распад, но в итоге сами же ему способствовали. Решающим шагом к выходу из уробороса было складывание межсубъектных предсоциальных отношений. Тотемизм, зооморфизм были показателем переходного уровня между природой и культурой.

Каждая отпадающая от синкрезиса сфера на своём уровне воспроизводит природную целостность. Сам синкрезис уже был переводом чисто природного единства с его биоритмами, когерентностью и неразрывностью пространства («континуальностью») в плоскость единства культурно-смыслового. Симпатическая магия на заре культуры была одним из важнейших инструментов восстановления всеобщих связей. К примеру, охра воспринималась как эквивалент крови и души, камни — клыков и когтей.

В основе распада — мономиф, или «великий триадический принцип». Рай Первозданный (синкрезис) сменяется Раем Потерянным (дуализация) и, наконец, Раем Обретённым (синтез). Так, появились мужские и женские практики, на которые рас-

палась синкретически целостная мифоритуальная система, а в неолите они синтезируются в государство. А.А. Пелипенко говорит об этом как о «неолитическом синтезе». Оппозиция между магией и цивилизацией снимается религией как сложной системой с институтом посредников, логическими конструкциями и традициями. Каждая выделяющаяся из мифоритуального целого сфера (искусство, религия, философия, политика, наука) в начале своего развития очень синкретична, связи с другими сферами ещё не оборваны. Но по ходу истории синкретическая сложность (невычленимость, спутанность, «пюре» из разных элементов) сменяется комплексной (упорядоченность, иерархизированность, «конструктор» из элементов).

Так, в последней четверти II тыс. до н.э. перестала срабатывать бытовавшая в древней мифологии схема игнорирования и затушевывания противоречий посредством богатой смежной семантики, беспредельно размножилось число богов и смыслов, и вся система в итоге пришла к кризису. Единственной возможностью собрать мир заново было появление новой культурной макропарадигмы, каковой стала система логоцентризма.

Распад синкрезиса и способы совладать с ним

Началом развития новой культурной макропарадигмы послужила Дуалистическая Революция (ДР) (примерно от I тыс. до н.э. до VII в.н.э.). Все многообразие феноменов, смыслов и духовных субъектов было собрано в две противопоставленные ниши, маркированные категориями «Добра» и «Зла». На первом этапе ДР эта оппозиция была практически неснимаемой и нашла своё воплощение в дуалистических доктринах (зороастризм, манихейство, гностицизм). Обе части оппозиции здесь были равноправны. На втором этапе образовался монистический синтез, представленный преимущественно монотеизмом, в первую очередь, христианством, затем исламом. Согласно идеальной установке, здесь духовный или социальный Абсолют снимает всякий дуализм. Абсолют, однако, воплощает в себе всё многообразие опыта и, тем самым, представляет собой новый синкрезис, вновь послойно распадающийся на автономизирующиеся подсистемы. На Западе он окончательно распался к началу XX века. В наиболее логоцентрической культурной системе (основанной на исламской религии) синкретический Абсолют ещё очень силен. О России Андрей Анатольевич говорил как об очень синкретическом обществе.

На уровне отдельных культур эта схема работает подобным же образом — старая, уходящая культура выступает в качестве синкретической целостности, из материала которой выкристаллизовывается новая, приходящая культура. К примеру, подобной почвой послужила Античность для культуры Западной Европы.

Другой формой синтеза оказалась сформировавшаяся в эпоху Дуалистической Революции форма ментальности — «личность» в узком смысле. Господствовавшим типом в логоцентрическую эпоху был соответствующий ей субъект, которого Пелипенко в разных контекстах называет манихеем, паллиатом или логоцентриком. Он остро переживал противоречия бытия и снимал их благодаря партиципации к духовному или социальному Абсолюту («праведный христианин», «гражданин Рима»). Личность же оказалась способна впитывать и переосмыслять суммарный опыт культуры. Она не нуждается во внешних источниках порядка, намного легче переносит отчуждение, преодолевая его посредством формирования медиативных (компромиссных, срединных) смыслов.

Как и в остальных случаях, ранние личности наиболее синкретичны. На заре своей истории они и были основателями дуалистических и монистических доктрин, религий, философских течений. Во время расцвета это были гении, преуспешие в разных сферах (Леонардо да Винчи, Микеланджело), позже личность специализируется (Рембрандт и Веласкес — только живописцы, Шекспир и Сервантес — только литераторы). Впрочем, личность и в более поздние эпохи может быть очень синкретичной (Толстой, Ганди).

В современную эпоху, однако, распад добрался и до личной ментальности. Назревает конфликт между разными ментальными программами (у личности есть ментальный слой мифоритуального человека, «индивида» и логоцентрического человека, «манихея»). К этому прибавляется уже новый ментальный слой, «постличность», или «новая естественность», для которого характерны тотальное отчуждение, фрагментарность сознания, высокая специализированность.

Ещё один несколько парадоксальный механизм дробления синкрезиса заключается в следующем. Каждое новое мероприятие по сохранению первозданной целостности и блокировке распада в итоге на него же и работает. Так было с ритуалом, который должен был залатать образовавшуюся дыру отчуждения из-за частичного надрыва во Всеобщей Эмпатической Связи. Но ритмы ритуала всё равно не могли полностью соответствовать ритмам природным. А рутинизирующее использование ритуала привело к тому, что из него стало выветриваться экзистенциальное наполнение. Определённые действия со временем начинают механически повторяться, но это не вызывает никакого ожидаемого эффекта, целостность мира не восстанавливается, запредельные субъекты глухи к молитвам и воззваниям человека. В таком положении оказываются многие современные первобытные культуры, где ритуал и магия оказываются деградированными и выхолощенными. Хотя, согласно Пелипенко, допускавшему определённое влияние на реальность магических практик, это не всегда и не везде так.

Одна из первых культурных практик, копирование образца, также была призвана задержать распад синкрезиса, как бы «заморозив» определённую точку во времени и пространстве. Однако это приводило к тому, что они фиксировались и выделялись из общего потока, при каждом новом моделировании ситуации партиципации время и пространство всё более рассогласовывались, а человек должен был искать новые источники гармонизации. Письменность появилась как способ собрать все частные случаи партиципации и транслировать их в социальное пространство, но в итоге привела к дальнейшему дроблению синкрезиса и, по сути, добила мифоритуальную систему.

Рефлексия и последующая семиотизация — это основные инструменты дробления. Как только какой-то феномен попадает в область действия субъективирующей (что это для меня?) и объективирующей (что это само по себе?) рефлексии, ослабевает партиципация к нему, его сакральные черты подвергаются профанизации, а скрытые смыслы, определяемые в СТК как трансцендентные, постепенно выводятся на свет. Именно поэтому религиозные традиции часто совсем запрещают или не рекомендуют произносить имя Бога без особой нужды, либо скрывают самое важное для себя за различными фигурами умолчания. Последнее очень характерно, например, для буддизма. Разумеется, рефлексия нужна была, к примеру, и для утверждения логоцентрических картин мира, тем более, рефлексия этическая. Но в каждой культуре есть сферы, где она до последнего стремится не допускать никаких аналитических

процедур. К примеру, то, что проделывали де Сад или Ницше с моралью, в эпоху расцвета христианского мировоззрения было бы очень проблематично.

Что касается формирования смыслов и семиотизации, а это практически микроуровень распада синкрезиса, то на протяжении истории синкретические, подвижные и аморфные древние смыслы стремятся к затвердеванию в собственных границах, а знаки, представлявшие на заре культуры железную связку между означающим и означаемым, к современности превращаются в пустые оболочки («симулякры»), когда, как говорит Ф. де Соссюр, знак дерева не имеет никакого отношения к настоящему дереву.

Изначально смыслы были способом заткнуть пробитые в ВЭС бреши. Смысл — это «конвертированная» природная программа. Однозначная животная сигнальность в ходе эволюции была как бы «развинчена» и по новой собрана в качестве многозначного смысла, имеющего базовое значение и многообразную коннотативную (асоциативную, дополнительную) семантику. Первые смыслы были означающими со множеством означаемых, и наоборот.

Сначала смыслы затвердевают в собственных границах, а затем, по мере усложнения культуры, происходит распад связки между смыслом и знаком. Всё начинается с того, что партиципация постепенно смещается со смысла на знак, в определённый момент окончательно на него «сползая». Со временем она выветривается уже и оттуда, благодаря рутинному, частому употреблению знака, его «замыливанию».

Соответственно, сложнее всего сохранять целостность там, где артефактов, знаков, культурных феноменов становится всё больше. Поэтому резкое расширение культурного ресурса в эпоху неолита послужило важным толчком для распада. Партиципация расплывается, на каждый отдельный феномен её приходится всё меньше.

В большинстве культур практикуются различные способы каким-то образом задержать распад синкрезиса, так как его продолжительное существование обеспечивает достаточно долгую жизнь культуре. В мифоритуальной системе это решалось посредством формирования своего рода дуалистической прогрессии, или «бриколажных цепей», когда каждая оппозиция встраивалась в иерархизированную цепь оппозиций, и самые глобальные снимались на низовом уровне. К примеру, абстрактная оппозиция между Небом и Землёй снимается благодаря рождению детей от священного брака мужского и женского божества. В китайской культуре оппозиции снимаются на каждом уровне полагания. В ней и близких ей восточных культурах практикуется также нерелексивная ассимиляция новых смыслов. В дзен-буддизме это своеобразная игра в кошунство, которая не позволяет партиципации выхолащиваться, а священным символам «замыливаться». Примерно той же цели служила карнавальная культура европейского Средневековья.

Практически все культуры часто не сразу формируют новые смыслы, а подгоняют новые феномены под уже известное. Грубо: лошадь — большая свинья, корабль — большая лодка. Инверсия, то есть смена значений элементов оппозиции на противоположные, тоже способствует сохранению синкрезиса, так как не формирует дуалистических цепей. Фигуры умолчания, недосказанность, медитации в измененных состояниях сознания (ИСС) также не дают дробиться синкрезису, поскольку не позволяют (в идеале) работать рефлексии. Ещё один способ задержать распад — блокировка расширения культурного ресурса. Человек мифоритуальной эпохи обычно ограничивался небольшой территорией проживания племени. У индейцев существо-

вал «потлач» — традиция ритуального угощения и уничтожения накопленного за определённый период. Представители варварской ментальности: древние викинги, пираты, современные представители преступного мира — проматывают, прожигают добычу, прячут в тайниках, лишь бы не создавать избыток лишних вещей и смыслов, нарушающих целостную картину мира.

Магическое сознание — одно из главных средств сохранять синкретические связи, так как действие магии в большинстве случаев на них и основано. Это взаимовлияние того, что рациональному сознанию кажется не совместимым. Воздействие на объект влияет и на субъекта. Магия действует в обход сформированных цивилизацией культурных практик. Бытование магического сознания в современной культуре показывает, что синкрезис, хотя бы как идея, не распадается окончательно. Даже если не говорить о современном интересе к потустороннему, вере в гороскопы и гадания, то разнообразная ритуалистика пронизывает жизнь современного человека. Торжественные открытия, государственные и военные церемонии, чоканья, поцелуи и пожатия рук при встрече, свадьба как модель целостной картины мира — всё это в определённой мере восходит к древним синкретическим связям.

Парадоксы современного синкрезиса

Современная ситуация, характерная в первую очередь для западной, но отчасти и российской культуры, представляет собой своеобразный парадокс. С одной стороны, логоцентрический синкрезис распался окончательно. Сама личность тяготеет ко всё большей автономизации, как и культурные программы внутри её ментальности. Культура представляет собой систему максимально отчуждённых знаков, не несущих в себе никакого переживания. Их содержание передаётся нейтральным словом «информация», как раз и появившимся в XX в. Это отражает многовековую работу аналитического западного сознания, «выпотрошившего» все знаки и символы культуры, по несколько раз пропустив их через горнило рефлексии. Но при этом, как в первобытную эпоху, у любого знака нынче может быть любое значение; дуалистические противопоставления не создают никаких устойчивых глобальных оппозиций из-за бесконечного потока инноваций; замкнутые в логоцентрическую эпоху системы раскрывают границы (отдельные культуры, государства). Так формируется современный неосинкрезис, образуемый из конгломерата симулякров.

Конечно, наиболее адекватно всё это осознаёт субъект соответствующей эпохи — личность и постличность (или «новая естественность», НЕ). Последняя представляет собой формируемый современной ситуацией субъект, практически не испытывающий партиципацию к чему бы то ни было. Вернее, это партиципация к процессу передвижения между смыслами, где ничего не вызывает глубокого переживания. Основы его мышления в значительной мере выражены философией постмодернизма, постулирующей идеи плюрализма, релятивизма ценностей, региональных онтологий, ситуационизма и т.п. При этом методы постмодернистского анализа культуры (например, «деконструкция») в чём-то близки магическим камланиям первобытных шаманов. Как те заклинали злокозненных или чуждых духов, так постмодернисты работают с терминами и логикой «противника».

А.А. Пелипенко полагал, что постмодернизм был наиболее ярким выражением зарождения новой системы, однако слишком преувеличивал степень своего культурного влияния. Ведь носители предшествующих ментальных конфигураций (ин-

дивид, логоцентрик) живут по своим историческим часам и либо только косвенно замечают происходящие процессы, либо воспринимают их исключительно негативно, либо подвергаются их влиянию, не совсем осознавая, что, собственно, происходит. Распад синкрезиса, сумерки идолов, тотальное отчуждение — во многих случаях их всё это никак не коснулось.

С другой стороны, нарождающийся тип ментальности не будет чётко вписываться в рамки, отведённые ему постмодернизмом, хотя мыслит в значительной мере по его модели. Ему свойственны ситуационная мораль, циничный прагматизм, релятивизм ценностей. Подобное сознание, согласно автору, постепенно утверждается в сфере современной политики.

Заключение

Таким образом, синкрезис был отправной точкой развития культуры, а динамика последней представляет собой его послышное дробление. Главную роль в этом играют смыслообразование, дуализация и рефлексия.

Первой оппозицией, с которой столкнулось сознание, было противопоставление себя миру (метаоппозиция «я — иное»). Она явилась основой для производных оппозиций культуры трансцендентное — имманентное, континуальное — дискретное, сакральное — профанное. Её психологический аспект — оппозиция «участие — отчуждение». На общекультурном уровне синкретическая целостность стала в период верхнего палеолита распадаться на дуализм женских и мужских культурных практик, ритуал и миф, центр и периферию, а в период неолита — город и деревню, государство и общество, магию и цивилизацию. Каждая отпадающая от синкрезиса сфера на своём уровне воспроизводит единое целое, образуя новый синкрезис. Так появились религия, искусство, философия, наука. На глобальном уровне распад мифоритуального синкрезиса привёл к появлению макропарадигмы логоцентризма, утвердившей синкретический Абсолют.

Этот вторичный синкрезис распался только к началу XX века. Рефлексия вкуче с семиотизацией — основные инструменты дробления, так как они разбирают смысл на означающее и означаемое, проводят границу между субъектом и объектом, обрывают переживание. Участие смещается с предмета на знак, впоследствии улетающая уже и оттуда. В современности мы имеем дело с конгломератами экзистенциально пустых знаков, не вызывающих никакого переживания. Парадокс в том, что они образуют новый синкрезис, когда каждый знак может иметь массу значений, бинарные оппозиции не могут глобализироваться из-за постоянного потока инноваций, а новое сознание, выраженное в первую очередь постмодернизмом, во многом повторяет на новом витке способ мышления древнего индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валлон А.* От действия к мысли. Очерк сравнительной психологии. — М.: Издательство иностранной литературы, 1956. — 240 с.
2. *Гроф С.* За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. — М.: Издательство Трансперсонального Института, 1993. — 335 с.
3. *Левин-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 608 с.
4. *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. — М.: Наука, 1985. — 536 с.
5. *Лосев А.Ф.* Античная мифология в её историческом развитии. — М.: Издательство министерства просвещения РСФСР (Учпедгиз), 1957. — 620 с.

6. Нейссер У. Познание и реальность. — М.: Прогресс, 1981. — 232 с.
7. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М., 1992 (1949).
8. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. — М.: Издательство «Языки русской культуры», 1998. — 376 с.
9. Пелипенко А.А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории: Учебное пособие. — МГУКИ, 2007. — 434 с.
10. Пелипенко А.А. Постижение культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл / А.А. Пелипенко. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 607 с.
11. Пелипенко А.А. Постижение культуры: в 2 ч. Ч. 2. Мифоритуальная система. Книга 1. Медиационная парадигма / А.А. Пелипенко. — М.: Политическая энциклопедия. — 503 с.
12. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. — 605 с.
13. Rank O. *Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung für die Psychoanalyse*. — Zürich, 1924.
14. Somly F. *Der Goterverkehr in der Urgesellschaft*. — Bruxelles, 1909.

BIBLIOGRAPHY

1. Vallon A. Ot deystviya k mysli. Ocherk sravnitel'noy psikhologii. — М.: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1956. — 240 s.
2. Grof S. Za predelami mozga: rozhdenie, smert i transtsendentsiya v psikhoterapii. — М.: Izdatel'stvo Transpersonalnogo Instituta, 1993. — 335 s.
3. Levi-Bryul L. Sverkhstestvennoe v pervobytnom myshlenii. — М.: Pedagogika-Press, 1994. — 608 s.
4. Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya. — М.: Nauka, 1985. — 536 s.
5. Losev A.F. Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii. — М.: Izdatel'stvo ministerstva prosveshcheniya RSFSR (Uchpedgiz), 1957. — 620 s.
6. Naysser U. Poznanie i realnost. — М.: Progress, 1981. — 232 s.
7. Noymann E. Proiskhozhdenie i razvitie soznaniya. М., 1992 (1949).
8. Pelipenko A.A., Yakovenko I.G. Kultura kak sistema. — М.: Izdatel'stvo «Yazyki russkoy kultury», 1998. — 376 s.
9. Pelipenko A.A. Dualisticheskaya revolyutsiya i smyslogenez v istorii: Uchebnoe posobie. — MGUKI, 2007. — 434 s.
10. Pelipenko A.A. Postizhenie kultury: v 2 ch. Ch. 1. Kultura i smysl / A.A. Pelipenko. — М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. — 607 s.
11. Pelipenko A.A. Postizhenie kultury: v 2 ch. Ch. 2. Miforitual'naya sistema. Kniga 1. Mediatsionnaya paradigma / A.A. Pelipenko. — М.: Politicheskaya entsiklopediya. — 503 s.
12. Freydenberg O.M. Mif i literatura drevnosti. — М.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1978. — 605 s.
13. Rank O. *Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung für die Psychoanalyse*. — Zürich, 1924.
14. Somly F. *Der Goterverkehr in der Urgesellschaft*. — Bruxelles, 1909.

Поступила в редакцию 12.09.2018 г. (№ 2306)